

Увидев это, Чжоу Сюань скривил губы и больше не стал ничего говорить, лишь молча зашагал рядом.

Вскоре караван собрался с духом и двинулся дальше.

Западные земли холодных гор внушали трепет чужакам по четырём главным причинам. Во-первых, из-за бескрайних снегов легко было сбиться с пути. Во-вторых, ветер часто менял направление, заставляя врасплох. В-третьих, лютый холод мог отнять жизнь. В-четвёртых, здешние твари были свирепы и агрессивны.

Так и вышло: едва караван, следуя за холодными лучами солнца, взобрался до середины склона, как наткнулся на стаю снежных волков. Волки эти оказались умны: дождались, пока путники окажутся в ловушке — ни вперёд, ни назад, — и намеренно перекрыли путь и спереди, и сзади. Справа же зиял обрыв.

— Беда. Снежные волки проворны и отлично приспособлены к бою на снегу. К тому же сейчас зима, и, если ничего не изменится, скоро начнётся *то самое*, — так что им срочно нужны запасы, — тихо сказал сопровождающий купец рядом с Чжоу Сюанем. Несмотря на холод, на его лбу выступили капли пота.

Услышав это, Чжоу Сюань нахмурился, молча убрал посох-кошку и положил руку на эфес меча за спиной.

Ли Чжао тоже расслышала эти слова и уже хотела было обнажить Тунлун, но увидела, как Весельчак Ху подаёт знак.

Тот означал: откупиться грузом, чтобы волки уступили дорогу.

Товары, что вёз Весельчак Ху, делились на три вида: лёгкая и долгохранящаяся снедь из Тяньюаня, разные серебряные изделия и, наконец, сырое мясо — разумеется, животное, — предназначенное как раз для таких «полосатых препятствий» в пути.

Поняв намёк, отвечавшие за груз люди сняли с лошадей вьюки, достали завёрнутое в лопухи мясо и швырнули кучу волкам позади, а затем, взяв ещё, побежали вперёд и бросили мясо стае, преграждавшей путь.

Но волки лишь повели круглыми зрачками, по-прежнему скаля зубы и не сдвигаясь с места, и даже принялись глухо рычать.

Странно. Весельчак Ху нахмурился, его усики дёрнулись. Он никогда с таким не сталкивался: обычно, получив мясо, эти разумные твари уходили, а сегодня...

Неужто в последние дни на гору взобрались опасные чужаки и насторожили их?

Не успел Весельчак Ху что-либо сообразить, как стихший было холодный ветер снова налетел с новой силой — на этот раз сзади, — взметая мясо вместе со снегом в воздух.

Одна из лошадей не успела пригнуться, и, когда ветер внезапно переменялся, её в мгновение ока сдуло с обрыва вместе с поклажей; даже её ржание поглотил ледяной вихрь.

Когда ветер снова улёгся, все поднялись с земли и заглянули за край — лишь белизна. Конь и груз исчезли, мгновенно погребённые под снегом. А волчьи стаи спереди и сзади ничуть не поредели.

Увидев это, Весельчак Ху дрогнул душой, но на лице сохранил спокойствие. Он поднял правую руку — слегка дрожащую — и сжал в кулак. Это был сигнал к бою.

Все сглотнули и молча убрали посохи-кошки. Волки же напротив засверкали свирепыми глазами, собравшись с силами в лапах.

Натянутая тетива, занесённый меч — ждали лишь повода.

Но дождались они чистого, звонкого звука флейты.

Её переливы, будто журчащий родник, мягко коснулись сердец слушающих, смывая суету, страх и злобу, оставляя лишь покой и лёгкость.

Ли Чжао взглянула на ту, что рядом. Тонкие, бледные пальцы сжимали маленькую флейту цвета снега, кончики их слегка покраснели. Лёгкий ветерок трепал мягкие, нефритовые пряди, а с неба, неизвестно когда, начали падать снежинки, тихо танцуя в такт этой протяжной мелодии.

Но одна слеза скатилась по её щеке и упала в сердце Ли Чжао, породив рябь.

Сама не зная почему, Ли Чжао протянула руку и мягко сжала её, прервав песню флейты.

Вань Цзюньи подняла на неё глаза; в тех ещё дрожали блики влаги, смутные, отстранённые.

В тот же миг Ли Чжао что-то поняла, окаменела и отпустила её руку, опустив взгляд и пробормотав:

— Прости.

— Ничего. Чтобы в последний раз, — холодно ответила та, затем сняла серебряные украшения и железные кольца с сапог, выйдя из-под защиты плаща-заслона.

Дева Цзюнь...

Ли Чжао пошевелила потрескавшимися от холода губами, но так и не издала ни звука, лишь неотрывно следила за ней взглядом — оторваться было выше сил. Она рвалась догнать, но ноги стали тяжёлыми, словно свинец.

— Младшая сестра... — с беспокойством окликнул её Чжоу Сюань.

Она слегка покачала головой, попыталась улыбнуться, показывая, что всё в порядке, но рука, спрятанная в рукаве, сжалась в белый кулак, ногти впиваясь в ладонь.

Весельчак Ху впереди, увидев, как Вань Цзюньи проходит мимо, хотел остановить, но, подумав, что Ли Чжао, наверное, последует, решил не соваться. Однако, оглянувшись, он дёрнул усами и бросился было задержать Вань Цзюньи, но было поздно — та уже стояла перед волчьей стаей.

И тут случилось невероятное.

Волки не просто позволили ей приблизиться — они позволили себя гладить! Более того, те, кто ещё не получил ласки, виляя хвостами, обступили её, и даже волки, что преграждали путь каравану сзади, пронеслись мимо людей, взметая снежную пыль.

Картина, в которой целая стая оспаривала благосклонность, повергла всех в шок.

А Ли Чжао, увидев это, невольно скривила губы, на лице появилось недовольство, и на сердце стало как-то тягостно, хотя причины она не понимала.

В этот момент сверху донёлся короткий, обрывистый возглас — всего одно слово:

— Шуан!

Вань Цзюньи посмотрела на звук и увидела, как к ней бежит высокий, худощавый мужчина — тревожный, растерянный. Но, поравнявшись с ней, он явно выдал разочарование.

На лбу мужчины была широкая налобная повязка с узором, вмещающим и луну, и солнце. На нём — просторный тёмно-синий ватный халат, расшитый серебряными нитями в виде цветущих снежных лотосов, на ногах — валенки с меховой оторочкой. Черты лица — холодные, строгие, лишь взгляд какой-то потухший, да годы оставили на лице глубокие следы.

Несомненно, он был из Снежного клана, но странно — волосы у него были смоляно-чёрные, и, в отличие от жителей Тяньюаня, носил он их недлинными, лишь до шеи, что выглядело весьма опрятно.

Вань Цзюньи смотрела на него, во взгляде читалось недоумение.

Поймав этот взгляд, высокий мужчина с холодным лицом глянул на неё, затем перевёл глаза на Весельчака Ху — вернее, его взгляд преградила Ли Чжао, невесть когда оказавшаяся рядом.

Мужчина нахмурился — не оттого, что взгляд ему преградили, а потому что эта девушка уж больно похожа на ту, что была рядом с Шуан.

Ли Чжао встретилась с ним взглядом, и в её глазах явственно читалось недовольство — никак не скрытое.

— Я — Сун. Богиня Снега послала меня встретить вас, — проговорил он, голос был холодным и глухим, как и облик.

Слова эти, разумеется, относились не к Ли Чжао, а к Весельчаку Ху позади.

Весельчак Ху сообразил, быстро обогнул Чжоу Сюаня и заслонившую его Ли Чжао, высунулся, усы задорно торчком, и ослабил Суну.

Но из-за волчьей стаи он смог подойти лишь к Ли Чжао, так что стояли они с Суном друг напротив друга.

Увидев это, Сун окинул стаю взглядом и остановил его на вожаке — том, что покрупнее, рядом с похожей на Шуан. Тяжело сказал:

— Вам пора возвращаться.

Услышав, волчий вожак оскалился и зарычал — явно не желал. А коли он не желал, то и ведомые им волки не желали, так что все они уставились на Суна злобно, прочертив на снегу несколько борозд когтями.

Сун не дрогнул, лишь слегка обнажил арбалет на запястье.

Напряжение снова взвилось до предела.

— Возвращайтесь. Если суждено, встретимся вновь, — проговорила Вань Цзюньи, поглаживая снежно-белую шерсть вожака. Нежность в её взгляде и чертах ослепила Суна.

Он невольно отвел глаза.

Разумеется, Ли Чжао, стоявшая позади Девы Цзюнь, не видела её выражения, но одного лишь голоса хватило, чтобы понять, сколько в нём было мягкости, — и на сердце стало ещё тяжелее.

Волчий вожак тихо взвыл: «У-у-у...» — и потёрся головой о руку Вань Цзюньи. Затем, обойдя холодного Суна, повёл стаю вверх по склону, и вскоре те растворились в снежной дымке.

Ветер снова поднялся. Сун, не говоря лишнего, велел им следовать за собой, развернулся и зашагал.

Караван тут же двинулся за ним. Ли Чжао же шла позади Девы Цзюнь, понуриив голову, безмолвно.

Сделав несколько шагов, Вань Цзюньи вдруг остановилась, обернулась и, слегка вздохнув, протянула руку, придерживав Ли Чжао за плечо.

Остановившись, Ли Чжао в растерянности подняла на неё глаза — перед ними стоял слегка расплывчатый образ.

Дева Цзюнь ничего не сказала, лишь протянула руку.

Разумеется, это была не просьба подать руку. Ли Чжао, хоть и ошеломлённая, понимала это, а в её собственной руке был лишь другой угол плаща-заслона.

<http://bllate.org/book/16264/1464052>